

УДК 321022 (32.019.5)

РИСКОГЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Н.В. Сорокина

Саратовский государственный университет

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье анализируется процесс формирования пространств риска, которые возникают в связи с глубинными общественными трансформациями в современной России. Обращается внимание, что в новых исторических условиях этот процесс протекает как процесс создания «хаотической неопределенности». Это повышает риски принятия политических решений во всех сферах общества.

Ключевые слова: социально-политический риск, новые исторические условия, хаотизация социального пространства.

Risks of the Social Transformation at the New Historical Situation.

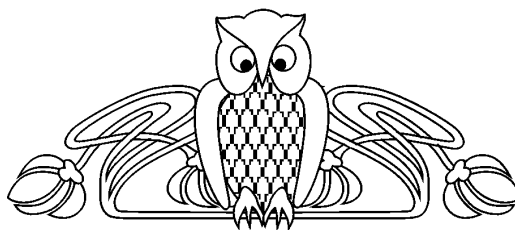
N.V. Sorokina

This article analyses the process of forming the spaces of risk. That spaces are initiated the large scale public transformations in contemporary Russia. It is stressed out, that at the new historical situation this process proceeds as the process of generating «chaotic ambiguity». That is increased the risks of taken political decisions in all the spheres of society on great extend.

Key words: social-political risk, new historical situation, chaotic process in social space.

Последние два десятилетия российской истории изобилуют событиями колоссального масштаба: разрушение одной общественной системы сменилось возникновением и формированием другой. Как следствие, трансформации подверглись все базисные структуры общества, что объективно не могло не привести к дезорганизации всех сторон общественной жизни, росту непредсказуемости социальных практик, дезориентации социального поведения. Возросшая неопределенность социального пространства современной России отягощается наложением действия процессов глобализации.

Этим сегодня определяется и степень ответственности политических субъектов, связанных необходимостью принятия политических решений, обеспечивающих инициирование, развертывание и завершение общественных преобразований. Политические решения в этих условиях выступают мощным детонатором, провоцирующим формирование пространств рисков. Сегодня риск становится атрибутивным свойством социальной деятельности, а рискованные формы поведения представлены на всех уровнях и срезах общественной жизни. Особенностью всех

современных обществ является их политическая организация, что объективно политизирует все риски, а точнее, политический риск может выступать и как самостоятельный фактор политики, и быть элементом всех других видов риска.

Рисконасыщенность современной жизни актуализировала как научно-теоретический, так и практический интерес к этой проблематике. За рубежом интерес к проблеме риска возник еще в начале 1950-х гг., однако до начала 80-х гг. из-за отсутствия необходимого материала и недостаточной разработанности методов анализа и прогноза риска в научной литературе ей отводилась подчиненная роль. Сейчас исследованиями рисков, и политического риска в частности, занимаются как частные компании, так и целые институты.

Рассмотрение и анализ понятия риска сегодня осуществляется под тем или иным углом зрения, в рамках достаточно автономных методологических баз, из-за чего понятие оказалось несколько размытым и весьма противоречивым. Это не только следствие междисциплинарности изучения, но и результат сложности и неоднозначности названного феномена. Понятийный разброс не только фиксирует эту сложность, но и отражает параметры, пусть и нечетко, искомого феномена.

Разнообразные трактовки этого феномена в философском, культурологическом, социологическом, психологическом и организационном направлениях позволили выделить так называемую средовую интерпретацию риска, акцентирующую роль внешнего фактора, учет специфики био-гео-социального окружения. В этом плане это явление по преимуществу рассматривается как результат неких неконтролируемых (а потому и малопросчитываемых) катаклизмов природного или социального характера.

Социологическое же направление интерпретации рисков делает упор на характеристике современного социума и акцентирует, прежде всего, ситуацию его тотальной неопределенности, провоцирующей высокую вероятность всевозможных конфликтов и даже катастроф.

Так, У. Бек и Э. Гидденс как известно, трактуют риск как производную от процессов модернизации и глобализации.

Другой социологический подход основан на субъективистском понимании риска. Согласно этому направлению, риск оценивается через по-

нятие «опасности» (вреда) путем вычисления вероятности его наступления и калькуляции последствий. Эта позиция Н. Лумана (сближающего, но не рассматривающего как тождественные, понятия «риск» и «опасность»), Ю.М. Плотинского, а также ряда других ученых рассматривает риск в основном как результат акта сознательного выбора между альтернативами.

Сопрягая эти подходы, можно утверждать, что вероятность риска при реформировании общественной системы в условиях хаотизации и нарастания неопределенности (снижающих возможности оптимального аналитического просчета ситуации), а следовательно, и увеличения цены ошибок при принятии решений, в современных условиях значительно возрастает. Соответственно, увеличивается и ответственность политиков за неправильно или несвоевременно принятые решения.

Кроме того, на модификацию интерпретаций риска влияет поиск адекватного теоретического инструментария для отражения новых реалий общественного развития, связанных с фактором глобализации и изменением конфигурации параметров современного миропорядка, обусловленного разрушением коммунистической системы. Нельзя не согласиться с мнением Э. Гидденса, что «понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего... В среде, где нет больше рока, любая деятельность, даже строго увязанная с установленными образцами, в принципе исчисляется в понятиях риска, т.е. поддается своего рода общей оценке степени ее рискованности с точки зрения возможных результатов»¹. Можно только добавить, что общество, прощающее с модерном и сталкивающееся с постмодерном, актуализирует риски в еще большей степени. Также можно отметить, как это делает В.А. Абчук, два аспекта: объективный и субъективный. Объективный компонент риска отражает ту или иную неопределенность в любой среде активности субъекта. Субъективный же компонент риска – это поведенческая готовность субъекта принимать решения с учётом характера, масштаба и динамики этой объективной неопределенности. При этом под неопределенностью понимается не нечто такое, о чём ничего нельзя сказать позитивного, но это невозможность точно спрогнозировать оптимальный вектор развертывания той или иной сложной системы, как некая рефлексия на поливариантность, неоднозначность общественных или природных процессов². Современная среда активности социального субъекта, применительно к России, в последние два десятилетия не только изменила свой характер, масштаб и параметры динамики, но и сменила вектор этой последней, породив не просто неопределенность, но «хаотизированную неопределенность». В условиях этой среды поведенческая активность

социального субъекта не только сталкивается с невозможностью прогнозирования оптимального вектора развертывания, но и в значительной мере блокирует саму возможность рефлексивной калькуляции общественных процессов. В свое время советский исследователь А.П. Альгин определял риск как деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно или качественно оценить вероятность достижения цели, отклонение от цели или неудачи³. Создавшаяся сегодня в России ситуация переводит деятельность социального субъекта в состояние, когда она не связывается и не может связываться только с преодолением неопределенности, она просто продуцирует новую, еще более глубокую неопределенность. Попытка посредством риска адаптироваться к неопределенности, дававшая позитивный результат совсем недавно, оказывается малопродуктивной в современных условиях и только способствует формированию новых зон риска.

Неслучайность этого обстоятельства, на наш взгляд, предопределяется следующими моментами. Традиционно риск как составляющая деятельности соотносится с современностью, измерения которой востребовали риск как необходимый элемент проявления активности социальных субъектов. Платой за свободу становится ответственность личности за принимаемые решения. Стихия рынка и конкуренция вносили свою лепту в неопределенность.

Переход от модерна в стадию постмодерна серьезно модифицирует проблематику социального риска. Во-первых, сегодня скорость изменений в политике, социальной сфере, экономике повышает вероятность быстрых непредвиденных событий, спорность и альтернативность принятых решений, то есть усиливает риск. Во-вторых, переход от индустриального к информационному контексту общественного развития порождает вал информационного продукта, большая часть которого представляет собой информационный мусор, качественная сепарация последнего вызывает серьезные затруднения. Как результат, переизбыток информационного ресурса играет негативную роль, увеличивая время принятия адекватных управленческих решений, т.е. сокращает ресурс времени. В-третьих, если риски модерна актуализированы функционированием абстрактных институтов, то риски сегодня модифицируются фактором виртуализации и появлением, если пользоваться понятием Ж. Бодриера, «риск-симулякра».

Российские общественные трансформации последних двух десятилетий, начавшись советской «перестройкой» и последующей реализацией либерального проекта, преломились в политической сфере демократизацией, в экономической – рынком, в социальной – нарастающей поляризацией и в духовной – полной вакханалией ценностей.

Каждый из перечисленных аспектов привносит в общественную жизнь современного российского социума свою долю хаоса, а взятые вместе, они придают состоянию хаоса синергетические характеристики. В этой связи рискогенность общественных явлений и процессов нарастает лавинообразно.

Н. Луман, автор одной из концепций риска, изложенной в труде «Социология риска», говорит о неправильности подхода, при котором риск и опасность понимаются как одно и то же. Различие риска и опасности предполагает, что существует неуверенность относительно будущего ущерба. Здесь есть два варианта. Либо возможный ущерб рассматривается как «следствие решения, т.е. вмняется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т.е. вмняются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности»⁴. Несомненно, именно такая трактовка наиболее конструктивна и методологически оправдана применительно к новым условиям, в которых оказалось современное российское общество.

Зоны формирования рискогенных пространств, следовательно, определяются, с одной стороны, принятием решений и распространяются на те социальные субъекты, которые их принимают, с другой – пространствами, размерность которых связана с опасностями, угрозами, которым подвергаются социальные группы, находящиеся в границах принимаемого или не принимаемого решения. Глобализационные процессы, размывающие привычные границы пространств модерна, глобализуют и рискогенные пространства. Сегодня решения, принимаемые в одной точке социального пространства, распространяют свое действие на значительно большее социальное пространство, нежели это имело место в условиях модерна.

Российский вариант перехода к либеральной, рыночной экономической системе, сопровождавшийся институциональной трансформацией собственности, изменением организационных и правовых статусов хозяйствующих субъектов, функциональным обвалом производства, коллапсом финансовой системы с соответствующими социальными последствиями безработицы в различных ее вариантах, свидетельствует, что этот переход осуществлялся без какой-либо предварительной рискологической экспертизы и проработки. Это было начало процесса. Каковы уровень и степень рискогенности сегодня? Рассмотрим их на примере преобразований в экономической области, которые продуцировали новые структуры и инициировали процессы, представляющие несомненную социальную опасность. В первую очередь, это бедность.

Интегрированное воздействие таких факторов, как несоразмерность высокой скорости разрушения прежней экономической системы и

сравнительно низкой формирования новой, быстрый распад Советского Союза и затянувшееся строительство российской государственности, сжатие фонда потребления и упадок традиционных механизмов социального обслуживания, непривычность новых жизненных условий, привело к чрезмерному обострению бедности в современной России⁵. Именно чрезмерность бедности представляется опасной.

Под опасностью понимается свойство объектов и процессов наносить ущерб себе и (или) окружению. Как можно заметить, применительно к бедности имеет место двойственность ущерба. Бедность опасна и для тех социальных групп, которые бедны, и для тех, которые выступают в качестве их окружения. Но дело даже не в этом. Опасность бедности в значительной степени определяется ее многоплановостью и особенностью динамики, обуславливающими высокую степень вариативности мер и форм воздействия на нее, своевременность и точность принимаемых решений и прежде всего политических.

Рассмотрим этот момент более детально. Научная рефлексия по вопросу бедности определяет два ее вида: абсолютную и относительную, что изначально предполагает как минимум два механизма ее преодоления. При этом специалисты отчетливо выделяют три степени абсолютной бедности: нищета, наиболее глубокая острая бедность; нужда, средняя бедность; необеспеченность, или недостаточная обеспеченность, умеренная бедность. Можно говорить в этом случае о степени опасности, с которой сталкиваются соответствующие социальные группы и слои, учитывая уровень неопределенности жизненных перспектив, а также веер возможных выборов адаптационных практик. Как можно заметить, степень опасности выше у социальных групп, находящихся в зонах нищеты, а риски в то же время значительно ниже из-за практически суженного выбора принимаемых решений.

Если рискогенное пространство, формируемое абсолютной бедностью, проявляет тенденцию к свертыванию по мере социально-экономической стабилизации и экономической позитивной динамики и более-менее однозначно выстраивает политику, то относительная бедность, связанная с ощущением бедности сравнительно с другими людьми или прошлым, практически неотделима от проблем социальной справедливости. В ситуации, когда в обществе имеются большие группы, считающие свой уровень жизни существенно и неоправданно более низким в сравнении с иными социальными категориями или в иное время, на иной территории, то такие группы будут чувствовать и вести себя как находящиеся в ситуации бедности, независимо от абсолютной величины их доходов и потребления. Природа относительной бедности делает ее границы и внутреннюю структуру особенно многообразными, подвижными и переменчивыми. Их выражение в критериях и

цифра отличается еще большей приближенностью и условностью, чем в случаях определения общего порога и отдельных категорий абсолютной бедности. Следовательно, пространство опасностей, связанное с относительной бедностью, не только тяготеет к большей неопределенности, но, базируясь на субъективном ощущении, достаточно быстро меняет свои характеристики, постоянно требуя корректировки при принятии решений.

Различение социальных пространств абсолютной и относительной бедности – не просто классификационное ухищрение. Отличаясь по своей природе, эти формы бедности обладают неодинаковыми потенциалами социальных угроз, предполагают различную перспективу, и для их преодоления нужно использовать различные политико-управленческие практики. Так, если абсолютная бедность ликвидируется по преимуществу развитием производства, наращиванием валового продукта, того «общественного пирога», величина которого, в конечном счете, определяет уровень потребления и в деле противодействия абсолютной бедности политическое вмешательство в разделение этого «пирога» играет второстепенную роль, то применительно же к относительной бедности дело обстоит иначе. В этом случае именно раздел «общественного пирога», создание механизмов, предотвращающих чрезмерное неравенство, играют определяющую роль. Соответственно, идеальная цель борьбы с абсолютной бедностью – ее абсолютное преодоление. Напротив, задача борьбы с относительной бедностью – неполное устранение неравенства, но его, так сказать, оптимизация, приведение к уровню, не выходящему за приемлемые в данном обществе

УДК 316.77:11

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПОТРЕБЛЕНИЕ, ВИРТУАЛИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

К.О. Черняева

Саратовский государственный технический университет
E-mail: chernjaevaksenia@mail.ru

В статье рассматриваются особенности социологической интерпретации глобализации, потребления, виртуализации как культурных контекстов идентичности.

Ключевые слова: глобализация, виртуализация, потребление, идентичность, культурная идентификация, социальные сети, Интернет.

Cultural Identification in the Social Networks of the Internet

К.О. Chernyaeva

The article describes the special feature of the sociological interpreta-

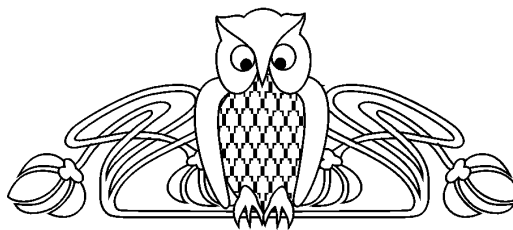
tion of globalization, consumption, virtualization as the cultural contexts of identity.

пределы и вместе с тем не подрывающему стимулы социально-экономической активности. Таким образом, рискогенность, возникающая в экономической сфере в связи и по поводу бедности, в современном российском обществе конституируется как аккумулированная относительно низким уровнем жизни основной социальной массы еще советской редакции, резким падением уровня и качества жизни периода начала либеральной трансформации, т.е. формирующейся на базе абсолютной бедности и актуализирующейся все больше и больше рискогенностью относительной бедности.

Даже беглое рассмотрение крайних проявлений трансформаций в экономической сфере подводит к выводу, что в современных условиях любые предпринимаемые действия, предполагающие оптимизацию социально-экономических состояний, должны учитывать не только объективные параметры, но и субъективное восприятие этой объективности.

Примечания

- ¹ Подколотина И.А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях // Вестн. Моск. ун-та. 1996. Сер.12. № 5.
- ² См.: Абчук В.А. Теория риска в морской практике. Л., 1983.
- ³ См.: Политический риск: анализ, оценка, прогнозирование, управление. М., 1992. С.15.
- ⁴ Луман Н. Понятие риска / Пер. А.Ф. Филиппова // THESIS. 1994. № 5. С. 149 – 150.
- ⁵ См.: Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России. // Социологический журнал. 1994. № 4.

tion of globalization, consumption, virtualization as the cultural contexts of identity.

Key words: globalization, virtualization, consumption, identity, cultural identification, social networks, the Internet.

Глобализация и идентичность. Общество современной России, как и всех других стран, открыто для глобализационных процессов, проникающих во все сферы жизни. Глобализация стала предметом изучения экономистов, политиков, социологов. Для нас представляет особый интерес подход А. Аппадурай, разработанный в русле социологии глобальной культуры. Глобализация для него – своеобразная методологическая метафора, необходимая для выявления и анализа смысло-